

Типология направлений консервативной мысли в современной России

В российской политике консервативное направление – самое проблемное. Русский консерватор постоянно стоит перед проблемой самоидентификации. Какие ценности отстаивать, что сохранять и «консервировать»?

Ведь произвольно выбранная точка на шкале истории России нередко выглядит как отрицание ценностей предыдущего исторического периода. Прежде надо разобраться в главном парадоксе отечественной истории: почему прерывание национальной традиции само по себе превратилось в традицию и повторяется от эпохи к эпохе?

Правящий класс не раз и не два в истории России запускал сценарий прерывания традиции. Так было во время Смуты, церковной реформы (раскола), в начале XVIII века, в 1917 году, в 1991-м.

Всякий раз мы видим кардинальный пересмотр и ужесточение прежних условий договора власти и общества. Каждый новый исторический отрезок – как игра на понижение.

Коротко вековую политику российского правящего класса (как официальной власти, так и либеральной «оппозиции») можно определить как перманентную революцию сверху и искусственное прерывание национальной традиции. Вспомним историческую фразу А.С. Пушкина, сказанную при встрече одному из великих князей: «Все вы, Романовы, революционеры». И в пару к ней другую, произнесенную поэтом Максимилианом Волошиным в 1920-х годах, когда он дал Петру I такое поэтическое определение: «Земли Российской первый большевик».

Российская «революция сверху» не имела абсолютно ничего общего с так называемой «консервативной революцией» – напротив, явление это скорее противоположное. Такой идеологический и политический формат всегда делал проблемным отстаивание консервативной идеи в России. У нее никогда не было влиятельных защитников. Будучи не в состоянии противостоять революции сверху, консерваторы на каждом историческом витке оказывались в политическом офсайде.

К сожалению, постсоветский период лишь усугубил эту проблему. Это время очередного исторического разрыва. Отказ от советской идентичности, провозглашенный в конце 1980-х, произошел «в никуда». Общество не вернулось ни к какой другой линии развития, ни к какой системе ценностей. Пока общество не определится с отношением к собственной истории, консерватизм не займет подходящее ему место на социальной и политической карте.

«Что консервировать?» – вот главный консервативный вопрос. Но когда этот вопрос ставится, в консервативном лагере начинается разногласия.

Каков сегодняшний консервативный идеал? В ответ на этот вопрос мы чаще всего получаем набор вечных понятий: «семья», «религия», «нация», «бы-

лые достижения». Или совсем просто и бесхитростно: «стабильность», «патриотизм». Представления о традициях, достойных сохранения, у разных консерваторов разнятся. Вот примерная типология направлений консервативной мысли в России.

Антикварный консерватизм. Ориентирован на отдельные фрагменты исторической реальности, вырванные из общего исторического контекста. Например, монархисты с ностальгией думают о престолонаследии и убиенном Николае II. Вопрос о «качестве» российской монархии в те или иные периоды обычно не ставится. Хотя очевидно, что, например, имена Ивана III, Алексея Михайловича, Петра II, Петра III, Павла I, Александра I, Александра II, Александра III символизируют очень разные тенденции в российской монархической государственности и дело не только в исторической удаленности этих фигур. Иногда речь заходит о претензиях на российский престол кого-то из потомков Романовых, но с какими политическими целями, остается неясным. Такой подход напоминает тоску некоторых европейских консерваторов конца XIX – начала XX века по сословно-династической Европе. Антикварный консерватизм предполагает фрагментарный взгляд на историю. Нередко он нетерпим к консерваторам иного типа, то есть объективно работает на разъединение, а не интеграцию консервативных идей. К российской политической реальности он не имеет прямого отношения.

Ситуативный консерватизм. Другая крайность. Он привязан к сиюминутной политической ситуации. Как правило, это реакция на кулуарность и «элитарность» политических интересов, на непрозрачность политических решений, на борьбу олигархических групп и кланов в современной России. Все это исключает стратегическую линию и четкую идеологию в национальной политике.

Констатируя данную ситуацию, «ситуативный консерватор» использует консервативную идею просто как синоним необходимости директивных решений и усиления политического централизма. Сама по себе эта позиция понятна и объяснима, но к консервативной идеологии имеет опосредованное отношение. Необязательно быть консерватором, чтобы ее разделять. На примере украинского кризиса мы видим, что ту же позицию разделяет значительная часть российских левых.

Консерватизм и государственничество – естественное и здоровое сочетание. Но нередко все заканчивается призывом «Нам нужна консервативная политика, причем срочно. Вот политическая программа». По умолчанию считается, что с этой новой прекрасной программой можно победить на выборах и начать новую жизнь. На этом реальное участие в политике заканчивается. Даже в условиях ельцинской мультипартийности не было случая, чтобы консерваторы всерьез засветились на предвыборном этапе, не говоря уже о преодолении пресловутого пятипроцентного барьера.

Консервативный коммунизм, или «проект “СССР-2”». Самое парадоксальное явление в нашем ряду. С одной стороны, условные «консерваторы» советского типа наследуют доктрине исторического нигилизма – то есть традиции отказа от традиции. В этом парадоксальность их позиции. А с другой – парадокс заключается в том, что как раз они, в отличие от большинства других консерваторов, довольно точно знают, что хотят реконструировать. Им нужна реставрация исторически локального проекта советского социального этатистского государства. Это четко поставленная, но вряд ли выполняемая задача – хотя бы потому, что материальная база СССР разрушена и воссоздавать ее некому. Не гастарбайтеры же будут строить «новый СССР». Не говоря уже о проблемах с выстраиванием адекватной идеологии.

Евразийство. Трендовый консервативный проект. Включает в себя четкую антизападническую ориентацию. Но столь же последовательное неприятие вос-

точного вектора зависимости (не менее опасного, чем западного) отсутствует. Возникает перекося. Проект «Русская Евразия» можно обозначить как «мультикультурализм для державников».

Национал-консерватизм. Одна из разновидностей национализма. С евразийцами национал-консерваторы находятся в отношениях прямой идейной и политической конкуренции. В последнее время русский национализм пребывал на распутье между так называемым имперством и открытым либерализмом западнического толка. Случай Навального – яркое тому подтверждение. Внутри национализма шло размежевание. Возможно, нацистский путч на Украине ослабит позиции либерал-националистов и скорректирует часть националистов в левом направлении. Иногда возникает впечатление, что деятельность некоторых национал-консерваторов несколько карнавальна и имеет целью маргинализацию самого национал-консервативного дискурса. Например, Иван Охлобыстин в своей «Доктрине 77» сначала успешно маргинализировал имперскую идею, а потом стал вышучивать и православие, рассказывая всему миру о своем celibate.

Церковные и околоцерковные консерваторы. Считают, что Русская Православная Церковь ответственна за сохранение всей национальной традиции, а не только внутрицерковной, поскольку эта функция в 1990-х не была выполнена государством и недостаточно выполняется им сейчас. Другой тезис церковных консерваторов: православие является не только главной («государствообразующей») российской конфессией, но и основой общественной этики, подобно протестантской этике в Европе и США.

Возможности церковного консерватизма ограничены, поскольку церковь по закону отделена от государства и не имеет права создавать политические организации, а священники не могут выбираться на государственные должности. Понимания светскости, аналогичного, например, американскому, позволяющему священнику быть в США заметной политической фигурой, в России пока не выработано.

Либерал-консерватизм. Разновидность либерализма, представители которого придерживаются державно-патриотической риторики, не отрицая при этом экономического либерального курса (сырьевая экономика, сворачивание социальных программ, вывоз капитала, зависимость от мировых финансовых центров). Консервативная фразеология вызывает у обывателя иллюзию, что ее носители защищают некие ценности и национальные приоритеты. Что в данном случае консервируется, очевидно. Консервируется российский либерализм. Не как идеология, но как модель развития.

Таковы основные модели консерватизма в России.

В этой типологии есть одна важная закономерность. Каждая из перечисленных групп либо не участвует в реальной политике, либо скрывает под вывеской консерватизма иное политическое содержание. Последнее особенно хорошо просматривается на примере либерал-консерваторов.

Либерал-консерватизм – обычное явление для стран Запада. И американский «неоконсерватизм», и европейский «неолиберализм» исследователи справедливо объединяли в рамках этого направления. Но для России как страны с периферийной экономикой это явление контрпродуктивно.

Вообще мировая политика и экономика являют собой пример «двойной парадигмы», в которой действует правило центра и периферии. Капиталы перетекают от периферии к центру, то есть из стран третьего мира в страны первого. В этих условиях западные либералы, отстаивая status quo, укрепляют экономику своих стран.

Россия сегодня объективно принадлежит к мировой периферии. Либеральные принципы в России также работают на сохранение этой модели, но для

России она означает не присвоение, а отдачу – вывоз сырья и капиталов, утрату внутреннего рынка, захваченного импортом.

Следовательно, западный либерал-консерватор по своей функции именно консерватор: он стабилизирует полезную для своего общества систему. Российский либерал-консерватор, исповедуя те же взгляды, социально деструктивен. Он – «гарант» вывоза капиталов из страны.

Учитывая эту особенность современного мира, необходимо проверить ряд положений, которые до эпохи ультракапитализма считались незыблемыми. Необходимо поставить вопрос о том, какая позиция на российском политическом поле является объективно консервативной, а какая, пусть даже опирающаяся на консервативные символы, претендовать на звание консервативной не может.

Сегодня это одна из главных фигур умолчания в российской политике. Разрушение российского политического мифа в этой его части – дело очень недалекого будущего. Но обыватель все еще уверен: консерватор – это тот, кто носит на груди табличку «Консерватор», набранную для пушечной наглядности готическим шрифтом.

К сожалению, в России набирает силу безудержное жонглирование политическими понятиями. Оценочных суждений много, а критериев политической принадлежности мало. Главный из них связан с ответом на вопрос: как соотносятся экономика и идеология?

В той разметке политического поля, которая сегодня присутствует в сознании рядового обывателя, реальные консерваторы не занимают положенного им места. Но в конечном счете – исторически – Россия неизбежно придет к необходимости консервативной политики. Потому что единственная его альтернатива – либерализм – в России, как в любой стране мировой «периферии», не выгоден большинству. Следовательно, он может быть только авторитарным. Или не быть вообще.

И это основная причина, по которой отечественная марка либерализма стремится приобрести консервативную окраску.

С.Ф. Черняховский. Теперь вопросы и выступления.

Б.И. Макаренко. Скажите, пожалуйста, почему на данный момент на наш консерватизм благожелательнее всего реагируют фигуры для западного консерватизма, мягко говоря, странные или маргинальные? Например, партия «Йоббик», Найджел Фарадж или адвокат Уильям Пеппер, который пытается доказать, что Сирхан Сирхан не убивал Роберта Кеннеди.

М.В. Ремизов. На самом деле наиболее крупная партия, которая стоит в этом ряду, – Национальный фронт Марин Ле Пен. Это Франция, которая стремительно демаргинализуется. Страна, олицетворяющая тот синтез, о котором я говорил: антиглобалистская, то есть направленная против неолиберализма транснациональных корпораций, она одновременно направлена против новых левых и фрейдомарксизма и против нового варварства, которое там представлено в лице исламизма, фундаментализма. Это уже некая новая сила, которая сейчас стала третьей партией. В интеллектуальном поле во второй половине XX века консерваторы пережили настоящий геноцид идей. Этот геноцид связан не столько с денацификацией, сколько с активной борьбой за гегемонию со стороны новых левых и неолибералов начиная с 1960–1970-х годов. В результате этого интеллектуального геноцида европейские консерваторы, в том числе весьма уважаемые, были маргинализованы. В Германии неприлично заниматься Гегелем, а неокантианские исследования хорошо финансируются. Гегелем же заниматься неприлично – это фашизм. Если вы занимаетесь не «Наукой логики», а «Философией права» – это уже как минимум подозрительно. Но опять привет Франции. Там идет стремительное развитие UMP (Союз за народное движение), в котором формируется правое крыло. Это «народная правая» и «сильная правая». Они по своим взглядам уже близки к Марин Ле Пен, за исключением экономики и некоторых экстремальных вещей типа выхода из еврозоны. Они к России и к Путину относятся совершенно по-другому, чем Франсуа Олланд или Франсуа Фийон. Некоторые об

этом говорят уже с трибуны. Я недавно был на конференции, там выступал Тьерри Мариани, лидер «народной правой» – одной из фракций в рамках UMP, то есть партии Саркози. Он очень жестко критиковал брюссельскую позицию по Украине и, таким образом, в контексте диалога поддержал российскую позицию. Подчеркиваю, это «системный» политик. Сам Саркози сейчас немножечко залег на дно, но в общении со своими конфидентами он фактически во многом солидаризуется с российской позицией, а не с Олландом, не с Вашингтоном и не Брюсселем. Эти люди вынуждены существовать под сильным прессингом: когда мы выходили с той конференции, против Мариани уже стоял пикет с украинскими флагами. Но эти люди существуют. И представлять дело таким образом, что это театр клоунов, несправедливо.

С.Ф. Черняховский. Спасибо большое. Два слова добавлю к этому вопросу. В классификации мы немножко потеряли национализм как четвертую из идеологий. Понимаю, что его по-разному можно присоединить туда, но как раз Национальный фронт не столько консервативен, сколько националистичен, что вполне стыкуется. Национализм в разные исторические периоды оказывался как правым, так и левым. Парижская коммуна была националистической и коммунистической. Но при этом надо иметь в виду и такую вещь: во Франции майские выборы в Европарламент выиграл Национальный фронт, став в своих лозунгах в большей степени социальной партией, чем социалисты. Он обошел их слева, потому и стал выигрывать.

М.В. Ремизов. Он обошел левых на консервативной повестке. Левые теряют французский рабочий класс на поддержке иммигрантов.

В.Е. Хомяков. Сначала к господину Щипкову вопрос по поводу классификации консерватизма по семи направлениям. Не кажется ли вам, что ситуативный консерватизм, который вы упомянули, и либеральный консерватизм в центристском исполнении последнего исторического периода, когда пытались сделать квазиконсервативную партию

центристов (я имею в виду ПРЭС, НДР и ныне здравствующую «Единую Россию»), что они являются, с одной стороны, ситуативным консерватизмом, поскольку боролись за симпатии нарастающего национально-консервативного большинства в России, а с другой – либерал-консерваторами по сути, поскольку отстаивают либеральные ценности?

А.В. Щипков. Конечно, пересечение очевидно. Я решил выделить, чтобы обратить на это внимание.

А.И. Болдырев. У меня вопрос к Щипкову. Среди современных типов консерватизма вы выделили «консервативный коммунизм 2.0». Если я правильно понимаю, кого вы имеете в виду, то едва ли это можно назвать консерватизмом в строгом смысле слова. Они претендуют на концепцию сверхмодерна. Кстати, они активно опираются на Бердяева, под именем которого мы сегодня собрались, в частности на работу «Истоки и смысл русского коммунизма». Это апгрейд советского.

А.В. Щипков. Если вы, Алексей Иванович, обратили внимание, я никого из перечисленных до конца не считаю консерватором. Что касается коммунистов и «СССР-2», я говорил только о том, что они точно знают, что хотят консервировать, хотят вернуть.

А.А. Леонов. У меня вопрос к Михаилу Витальевичу [Ремизову. – *Ред.*]. Идеология должна не только обеспечивать социальную стабильность, но и как минимум не мешать конкурентоспособности страны. Мы помним, как в нашей стране из-за того, что было единственное учение марксизма-ленинизма, был нанесен колоссальный урон по кибернетике как лженауке. У меня вопрос связан с вашим тезисом о дегуманизации как направлении разрушения современного общества. Не кажется ли вам, что консерватизм способен поставить заслон перспективному исследованию в области биотехнологии?

М.В. Ремизов. Консервативная позиция по вопросам биоэтики подразумевает именно блокировку определенных технологических разработок – не исследований. То, что связано с

возможностью манипулирования человеческим геномом, создания киборгов, манипуляциями с ребенком (ткани из абортивных материалов и т.д.). Но этот блок должен быть компенсирован другим направлением развития технологического прогресса. Консервативный подход к прогрессу – ставка не на трансформацию человека, а на освоение природы. И в этом смысле коалиция новых левых, неолибералов и “New Age” в гораздо большей степени подрывает основы прогресса, понимаемого как освоение человеком природы, освоение стихий. Эта коалиция поворачивает прогресс в направлении, показанном в фильме «Матрица». У истоков отказа от освоения природы стоял Римский клуб, существующий и по сей день. Что предлагает их программа помощи Африке? Они голодным детям привозят гаджет, планшет. Вот – идеальная метафора. Они прекрасно понимают, что делают. Это определенная философия прогресса. Соответственно, речь не о том, вы за прогресс или против прогресса, а о том, какой путь прогресса вы продвигаете. Ставка консерватизма как мягкой силы России – на прогресс, который заключается не в освоении гаджетов, а в освоении природы, Арктики, космоса, в освоении стихий, с робототехникой – чтобы компенсировать старение населения.

Н.В. Стариков. У меня вопрос к коллеге Щипкову. Вы сказали, что российские либералы исповедуют те же взгляды, что и либералы западные, что приводит к противоположному результату для государства. Консерватизм является антиподом либерализма. Означает ли это, что, усиление консервативных тенденций на Западе, нанесет ущерб государствам наших геополитических партнеров?

А.В. Щипков. Взаимодействие российского консерватизма и консерваторов Европы может строиться на одной общей платформе. Эта платформа единственная – христианство. Если на этой платформе, тогда мы найдем общий язык. Если на каких-то других платформах, то тогда, возможно, произойдет то, о чем вы говорили.

Л.В. Поляков. Во-первых, хочу поблагодарить инициаторов нашей сегодняшней встречи. Мы

не часто – наверное, никогда – в таком формате не собирались. Странная на первый взгляд площадка. Это не просто научный семинар, а такая инновационная форма разговора. Учитывая, что здесь собрались профессионалы с академическим бэкграундом, хочу поставить одну задачку или напомнить об одном аспекте, который в рассуждениях людей с учеными степенями должен быть учитываем обязательно. Вот у Александра Владимировича [Щипкова. – *Ред.*] прозвучали фразы о том, что эти все семь типов консерваторов – не настоящие. Я цитирую: «Есть объективно консервативная позиция, а есть реальные консерваторы». Когда возникают из тумана объективные консерваторы и реальные консерваторы, то первый вопрос – об эпистемологической оптике. Мы же наблюдаем объект, и у каждого свой инструмент наблюдения. Напомню, знаменитую статью Хантингтона «Консерватизм как политическая идеология» 1956 года. Он приводит три базовые позиции, с которых можно усматривать консерватизм. Консерватизм, который понимается как реакция на французскую революцию и где он впервые появляется, артикулируется Э. Бёрком. Это один подход. Похоже, в нашей ситуации мы его не разделяем. Второй – консерватизм как объективная мыслительная структура – если вы методолог в школе социологии знания Карла Мангейма. Третья, придуманная Хантингтоном, позиция, где отчасти звучит ситуативность, но вообще имеется в виду, что консерватизм отличается от двух идеационных идеологий – социализма и либерализма – тем, что он ситуативен, поскольку защищает традиционные институты. Я был бы благодарен каждому участнику дискуссии, если он себя идентифицирует и объяснит, почему эта триада не релевантна по отношению к разговору о консерватизме.

В.Е. Хомяков. Продолжу о том, о чем начал говорить, задавая вопрос. Понятия консерватизма как такового у нас не существует после многих десятилетий, не то чтобы забвения, а сознательной его дискредитации. Многие воспринимают консерватизм как отрицание перемен. Очень хорошее определение: «Он не препятствует движению вперед и вверх, но препятствует движению

назад и вниз, к хаотической тьме, возврату к состоянию предшествующему образованию государств и культур». В этом смысл консерватизма истинного.

Что мы понимаем под традиционными ценностями, которые требуют защиты? Те самые советские консерваторы, которых вы упоминали, понимали под консервативными ценностями то, что им памятно по временам СССР. Да и в старой России под такими ценностями тоже понимали не совсем традиционные. Весь XIX век традиционной ценностью считалось крепостное право наряду с самодержавием. И это неправильно, поскольку это была новация. Полноценное крепостное право у нас было со времен Петра I, с первых западных реформ. Мы должны понять, о чем мы говорим, когда идет речь о консервативных ценностях. Каждый говорит о своем. Чтобы возникло единое понимание, мы должны обратиться к истокам становления русской цивилизации, временам Третьего Рима, к первой попытке сделать консерватизм государственной идеологией. То, что было придумано в царстве Московском, это был протоконсерватизм, не цивилизованный, научно не обоснованный. Тогдашние ценности – соборность, семья как малая церковь, общая мотивация к развитию как к коллективному спасению, а не как к накоплению материальных благ. Именно там следует искать истоки. Абсолютно правильным и современным звучит понимание сути России как государства-цивилизации, которое наконец-то воспринято нашей властью. Это опора на некие духовные установки и традиционные ценности, о чем тоже никогда не говорили за последнее десятилетие. У нас государственной идеологией был либеральный консерватизм ситуативного характера. Он имел целью привлечь к себе внимание национально-консервативного электората, которого всегда было большинство. В рамках консерватизма возможные разные подходы к государственному устройству. Тот же Ильин говорил, что демократия заслуживает признания, если она позволяет выделять к власти лучших, то есть формирует аристократию. А уж Ильин-то был консерватором и убежденным монархистом. Наконец, некое антизападничество, но не как ксенофобия ко всему непохожему на себя, а в

качестве иммунитета против разрушительных процессов...

Итак, любой консерватизм религиозен в изначальных ценностях. Кроме того, он всегда национален по духу – не бывает общего консерватизма. Кто-то сказал: «Консерватизм английский от русского отличается, а либерализм у всех одинаковый». Наконец, консерватизм всегда патриотичен по сути, нацелен не на разрушение, а на сохранение государственности. И в этом смысле тот консерватизм, который мы в будущем можем рассматривать в качестве основы для государственной идеологии, может быть православным, русским, государственным. Плюс к этому он должен быть современным, а не бородатым в косоворотке и лаптях. Он не должен быть конъюнктурным. Он не может оставаться замкнутым, а должен быть открытым для совместимых с ним наработок из двух других идеологий.

Н.В. Стариков. Хотел еще раз выразить восхищение теми первыми коллегами, которые вступили на не столь протоптанный путь разработки концепции нашего отечественного государственного консерватизма. Мне бы хотелось добавить свой вклад в первый доклад, который из-за его полноты остался не произнесенным полностью, о чем я очень сожалею.

Господь Бог наделил нас не только огромной территорией, природными богатствами, но и народом, состоящим из многих наций. Все эти нации чрезвычайно консервативны. Мы не найдем на территории Российской Федерации какой-либо нации, которая двинулась в сторону либерализма и дистанцируется от консерватизма больше, чем все остальные народы. (А такую народность, как «москвичи», мы не должны рассматривать в качестве народа. Она немножко продвинулась в сторону от наших консервативных ценностей.) Все остальные народы консервативны в одинаковой степени – нет большой разницы между представителями славянских национальностей, кавказских, народов Севера или тюркских народов, проживающих в России.

Имея столь единый в консервативных ценностях народ, мы можем стать оплотом консерватизма в мире. Все, что мы с вами делаем, мы должны

делать в одном направлении: как сделать так, чтобы Россия была сильной, а наши соперники были не столь сильны, как наша Родина-матушка. Мы должны думать, как занять нишу самой консервативной страны мира. В этом случае развитие ситуации, которую мы наблюдаем в Европе, в ближайшей перспективе может привести к тому, что в Россию начнется эмиграция, такая же, как была при матушке Екатерине. Потому что многие люди не смогут жить в той Европе, которая сегодня активно строится, – им там будет невозможно реализовывать себя, высказывать те взгляды и мысли, которые они имеют. Эти взгляды и есть консервативные. В этом смысле уместно вспомнить солдат наполеоновской армии, которые остались в России. Когда их потом пытались депортировать, они всячески тому препятствовали и в количестве примерно пятидесяти тысяч растворились на ее необъятной территории. Им не хотелось ехать в просвещенную Европу из консервативной России.

Сегодня консервативные партии во всем мире задавлены либеральным дискурсом, который транслируется из всех западных СМИ. Называя себя консервативными, эти партии соглашались с насаждаемым либерализмом. Тема однополых браков во Франции. Да, там были протесты. А в Великобритании – на что уж там консерваторы – и протестов никаких не было, в парламенте – полная тишина. В заключение, Россия исповедует консервативные взгляды не только внутри общества, но и в своей внешней политике. Коллега Хомяков сейчас процитировал Бердяева о том, что консерватизм – это невозможность откатываться назад. Сегодня в международной политике консервативные ценности – это международное право, роль ООН, многополярный мир и права человека – всё то, что в сегодняшнем мире находится под угрозой.

М.Ю. Виноградов. Мне виделось полезным в ходе сегодняшнего разговора сделать акцент на двух направлениях. Главная задача – заузить термин «консерватизм», очистить его от отождествления с традиционализмом, реваншизмом.

Как мне представляется, консерватор – это человек, который делает акцент на самоценности настоящего или, как меня поправил Борис

Макаренко, самооценности достижений к настоящему времени. Для него ценны те вещи, которые позволяют не расплескаться: семья, самоорганизация, самодостаточность, институты, традиции. Поэтому важно было бы увидеть в позициях и реваншистов, и либералов те консервативные начала, потребность в которых очевидна. 9 Мая даже те, для кого оказалась неприемлемой эстетика этого праздника, в социальных сетях публиковали фото своих предков, родственников. И даже лозунг «Спасибо деду за Победу!». В том числе как запрос на признание образа деда. Эта та консервативная ценность – признание предков, – которая сегодня объединяет представителей самых разных взглядов.

Второе – границы понятия «консерватизм». Тема нашего заседания сегодня – «Мобилизационный потенциал консервативной идеи». Хотя сама по себе мобилизация может консерватизм и расплескать, она разрушает привычные сегодня ценности – ценности потребления, индивидуализации, семьи. Думаю, что российское общество сегодня не испытывает запроса на мобилизацию. Потребность разьяснять, за что вы любите Россию, на мой взгляд, вредная с точки зрения консервативной идея, потому что лояльность слову «Россия» важна тем, что она не проговаривается, а признается всеми. Как только вы начинаете требовать разговора о том, за что вы любите Россию...

Или вот еще тема – «Консервативные ценности как ресурс социально-экономического прорыва». Слово «прорыв» – достаточно радикальное и, на мой взгляд, не очень соотносится с консерватизмом. Мне кажется важным, говоря о консерватизме, установить границы. Например, в истории, при рассмотрении тех или иных исторических персонажей, уходить от оценок, а искать опыт, который сегодня может оказаться полезным. Или, говоря о религиозности России, стараться не переоценивать этот фактор, особенно в сравнении с такими странами, как Польша, Италия или та же Украина...

Я хотел уберечь от оценок традиционалистских, которые подчас ставят мудрость выше разума. Вот акцент на консерватизме как на признающем самооценности настоящего мне представляется очень важным. В противном случае, если утилитарно использовать это слово, объединяя все, что угодно, есть риск, что через несколько

лет по ценности слово «консерватизм» будет сопоставимо в лучшем случае с модернизацией.

М.В. Ремизов. Если посмотреть на ценности, которые являются консервативными, и на то, какое место по этим ценностям наша страна занимает, то мы увидим, что Россия – не самая консервативная страна. Россия не самая религиозная страна из христианских стран Европы – Южная Европа нам в этом плане даст фору. Почему тогда консервативное послание со стороны России уже имеет особый резонанс? За счет чего? Я думаю, здесь работают три фактора: 1) личный бренд Путина; 2) наличие полноценного суверенитета, что придает особый вес идеологическому самоопределению государства; 3) великая европейская христианская культура. Китайцев мы не интересуем как евразийцы, потому что для них евразийцы – это дикие степняки. Китайцев мы интересуем как великая европейская культура. Исходя из этого, консервативное послание в устах России будет иметь особый резонанс. Какие сигналы могут быть заложены в это послание?

1. Христианский гуманизм. С одной стороны, признание христианских основ современной цивилизации как таковой. Нет других оснований у культуры прав человека кроме «странной» идеи о том, что у всех людей есть бессмертная душа и в этом качестве они онтологически равны перед Богом. Если убрать это основание, культура прав человека трансформируется в языческий культ. Сюда я включил бы и защиту христиан. Мы об этом много не говорим в контексте сирийского кризиса, но в католических средах, в Италии, во Франции, очень большой резонанс имеет то, что Россия оказалась единственной великой державой, которая сирийскую ситуацию комментировала в том числе в контексте угрозы христианству. С другой стороны, гуманизм – потому что речь идет о противодействии разрушению структуры человеческой личности в том виде, как она задана христианской цивилизацией. Принимать эту структуру личности не означает быть верующим христианином. Точно так же как любить русскую литературу не означает быть православным, хотя у русской литературы есть восточно-христианские корни. То есть речь идет об определенном наборе культурных универсалий,

которые имеют корни в религиозной традиции, но способны действовать независимо. Но тем не менее отрывать эти корни нельзя.

2. Стиль международно-политического поведения России. Я понимаю опасения тех, кто говорит, что Россия обрушила свой потенциал мягкой силы решением по Крыму и позицией по Украине. До этого она выстраивала свою риторику как легитимистская держава, которая выступает за территориальную целостность, за статус-кво в международных отношениях и примат международного права. Здесь же она выступила как ревизионистская держава. И все же разрыва в российской политике нет. Ибо ее фундамент – политический реализм, то есть ответственность за недопущение хаоса, стратегическая ответственность в зонах геополитического соседства. Это то, чего остро не хватает Брюсселю и США. США неинтересна тема стратегической ответственности в Евразии, им интересна игра с хаосом – по крайней мере части американских элит. А Брюсселю – потому, что они политические кантонианцы. Они считают: делай, что должен, и будь что будет. Ты должен следовать своим ценностям, своим убеждениям, демократизировать везде и всюду, везде и всюду поддерживать хорошие партии против плохих. В этой философии вторичен вопрос – будут ли потом миллионы беженцев и пострадают ли от этой политики собственные компании. В основе же российского реализма лежит то, что Вебер назвал этикой ответственности (в отличие от кантонианской этики убеждений). Политик – это тот, кто действует с ответственностью за результат. Для него важна не моральная безупречность форм, а результат. Ответственность за результат является важным сигналом российского стиля в международной политике.

3. Национальный суверенитет и деглобализация. Мы воспринимаем суверенитет как фактор национального престижа, и Россия ассоциируется сегодня с отстаиванием принципов национального суверенитета как самоценности. Такой подход содержит

в себе потенциал стать лидером развития.

Что такое развитие? Это развитие общества как системы, усложнение при сохранении свойств системности. За счет чего у общества как у субъекта развития могут сохраняться свойства системности? За счет того, что субъектом эффективности в экономическом развитии выступает общество в целом, а не отдельные корпорации и индивиды. А успех общества в целом может быть гарантирован только национальным суверенитетом.

4. Перефокусировка технологического прогресса. В 1960-х годах люди думали, что в начале XXI века они заселят космос и всю работу будут выполнять роботы. В итоге всё стали производить китайцы. Вместо освоения космоса и покорения стихий мы получили много ненужного, например, в виде опций на мобильных телефонах и имеем шанс получить еще больше бессмысленных вещей. Если сегодня технологический прогресс является заложником маркетологов, а маркетологи являются манипуляторами человеческой природой, превращая человека в существо потребляющее, то технологический прогресс в консервативном понимании связан с неприятием виртуализации, с приоритетом реального сектора. Это есть прогресс, связанный с покорением стихий.

5. Приоритет созидательной экономики перед виртуальным сектором и солидарной экономики перед неограниченным обогащением сильнейших. Этому последнему критерию Россия сегодня не соответствует. И потенциал ее мягкой силы это очень ограничивает. Европейские консерваторы говорят: очень хорошо, что Путин придумал материнский капитал и вы не голосуете за Кончиту Вурст, но Россия сегодня ассоциируется с олигархией. И до тех пор, пока это так, потенциал ее мягкой силы, именно в консервативном звучании, будет ограничен.

С.Ф. Черняховский. Спасибо большое, коллеги. Программа первого заседания выполнена.